

ПОСТСОВЕТСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

П. Ратленд

РАТЛЕНД Питер (RUTLAND Peter), профессор университета Уэсли (Wesleyan University), Мидлтаун, Коннектикут, США (в 2016 г. — приглашенный исследователь Манчестерского университета, Великобритания). Для связи с автором: prutland@wesleyan.edu

Статья поступила в редакцию 17.12.2015. Принята к печати: 22.01.2016

Эта статья представляет собой журнальный вариант главы “Russia’s Post-Soviet Elite”, которая выходит в книге The Palgrave Handbook of Political Elites, edited by John Higley. London: Palgrave Macmillan, forthcoming 2016. Публикуется с любезного разрешения редактора Джона Хигли.

Аннотация. В статье рассматривается постсоветская Россия сквозь призму теории политических элит — в отличие от большинства западных исследований, анализирующих Россию сквозь призму демократической теории. Владимир Путин — сильный лидер, который восстановил авторитет Российского государства, но элиты, с помощью которых он руководит Россией, глубоко разделены. Они состоят из внутреннего круга близких Путину людей, блока безопасности, олигархов и государственных чиновников. Есть несколько институциональных механизмов для урегулирования разногласий между элитами, а идеологии, которые они предлагают (модернизация, национализм), противоречивы и неглубоки. В данной статье анализируется способность этой системы реагировать на вызовы, которые стоят перед Россией, и ее перспективы с точки зрения долгосрочной стабильности.

Ключевые слова: Россия; постсоветские элиты; Путин; реформы; политические институты; социальные нормы.

В минувшем столетии не было ни одного поколения элиты, которое бы ушло на покой добровольно, а не было бы убито, посажено, сослано или — в лучшем случае — с презрением отодвинуто в сторону.

Начинаешь вспоминать — конечно же, с революции — и понимаешь, что каждые 20–25 лет вся элита практически обнулялась.

Дмитрий Гудков¹

Владимир Путин в современном мире является одним из лидеров, которых в высшей степени уважают или демонизируют. За 15 лет, прошедших с тех пор, как он занял президентское кресло в 2000 г., уровень жизни населения вырос в три раза, а Россия, развернув военные формирования на пространстве от Украины до Сирии, вновь стала силой, с которой должны считаться на мировой арене. Наблюдатели по-разному отвечают на вопросы, как объяснить успешное восстановление России Путиным после хаоса 1990-х годов, а также не погрузится ли опять страна в беспорядок, когда Путин покинет Кремль. Личный авторитет Путина не вызывает сомнений, куда менее очевидно, насколько он преуспел в формировании стабильной и сплоченной элиты, способной претворить в жизнь его амбициозную программу модернизации России. По мнению одних наблюдателей, Путин возглавляет “клептократический режим”, безжалостно подавляющий оппозицию и присваивающий сырьевую ренту [Dawisha 2014]. Согласно другой точке зрения, Путин восстановил суверенитет и положение России в мире, став предметом обожания для простых россиян [Sakwa 2007].

¹ Гудков Д. Чтобы сохраниться, элита должна измениться. — *Ведомости*. 04.11.2015.

На протяжении своей тысячелетней истории Россия двигалась по уникальной политической траектории. Огромная территория и уязвимость перед лицом угрозы иностранного вторжения обусловили высокую степень централизации государственной власти, сконцентрированной на эксплуатации природных ресурсов для поддержания мощных вооруженных сил, что способствовало формированию крупнейшей в мире империи. Эти особенности русской политической истории концептуализировались в рамках теории мобилизационного типа развития Оксаны Гаман-Голутвиной [Гаман-Голутвина 1998; 2004], а Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов назвали этот строй “Русской системой” [Пивоваров, Фурсов 2001]. Периоды застоя прерывались всплесками энергичных “реформ сверху”, осуществлявшихся автократическими модернизаторами на фоне растущей необходимости конкурировать с внешним миром. Оксана Гаман-Голутвина показала, что каждый российский правитель-реформатор, от Ивана Грозного и Петра I до Иосифа Сталина, создавал новый “служилый класс” для необходимого ему преобразования общества. Ричард Хелли [Hellie 2005] отмечает, что при царизме России удавалось выстоять перед лицом внешней агрессии и расширять свои территории, но система была нестабильна из-за восстаний “снизу” и разобщенности внутри “служилого класса”. С другой стороны, как утверждает Эдвард Кинан [Keenan 1986], константы своеобразной политической культуры России коренятся в традиционном укладе деревенского общества — негативного отношения к риску и ориентированности на консенсус. По его мнению, в России правящая элита представляет собой скорее олигархию, ограничивающую власть царя. Сложно аргументы можно найти и у консервативных российских историков, таких как Александр Ахиезер и Виктор Ильин [Ильин, Ахиезер 1997], которые подчеркивают коллективизм (“соборность”) российского общества.

ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ

Казалось, что с распадом СССР в 1991 г. в истории России началась новая эра, ознаменовавшая разрыв с авторитарным прошлым. В 1990-е годы в стране появилась динамичная рыночная экономика и своего рода “кулачная демократия”, что ознаменовало упразднение монополии КПСС на власть. Как предполагали американские политологи, Россия и другие постсоветские государства находились “в процессе перехода” к построению капитализма и либеральной демократии по западному образцу. Крах коммунизма породил множество демократий в Восточной Европе, от Польши до Болгарии, большинство из которых в последующие 20 лет вступили в Европейский союз (ЕС). Появление режима личной власти Владимира Путина по большей части застало западных наблюдателей врасплох и развеяло надежды на присоединение России к клубу либеральных демократий. Одни склонны винить в этом ошибки президента Бориса Ельцина, другие пеняют на нежелание Запада предложить России более серьезную экономическую помощь и политическое партнерство. Майкл Стивен Фиш выделяет структурные факторы, такие как зависимость от нефти и газа, коррупция и слабость гражданского общества [Fish 2005].

Из 15 государств, образовавшихся в результате распада СССР, лишь небольшие прибалтийские республики — Латвия, Литва и Эстония — приняли попытку перейти к демократии и присоединились к ЕС. В Грузии, Молдове и Украине сформировались нестабильные режимы, а все остальные постсоветские государства сползли в авторитаризм: власть в них сосредоточилась в руках узкой олигархической элиты или одного правителя-автократа. В настоящей статье рассматривается исключительно Россия, на долю которой приходится более половины населения бывшего Советского Союза. В эпоху

холодной войны советологи считали СССР особенной системой (*sui generis*), клонированной в Восточной Азии и Восточной Европе. Она вполне может быть рассмотрена с точки зрения теории элит, учитывая высокую структурированность и централизованный характер советских политических институтов, которые исходили из элитистской концепции власти – ленинского представления о революционном авангарде. Коммунистическая партия имела списки стратегически важных статусных позиций в обществе (*номенклатура*) и кадрового резерва для их замещения. Трудно представить себе более явный пример практического воплощения теории элит.

После смерти Сталина в 1953 г. аппарат массового террора был демонтирован, и при Никите Хрущеве и Леониде Брежневе государство сосредоточилось на повышении уровня жизни народа, продолжая соперничать с Западом в военном отношении. Некоторые публицисты по-прежнему рассматривали постсталинский СССР сквозь призму тоталитаризма, ставя его в один ряд с нацистской Германией и фашистской Италией, другие искали признаки институционального плюрализма и конвергенции с западной моделью индустриального общества. Однако распад СССР вследствие неудачных реформ Михаила Горбачева позволяет предположить, что серьезная структурная реформа системы была невозможной [Kotkin 2008].

Распад Советского Союза расчистил путь для более плюралистического и открытого политического режима в России. Падение Берлинской стены запустило механизмы демократизации в Восточной Европе и за ее пределами: в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Появилась парадигма “транзитологии” [Gans-Morse 2004], основанная на либеральных предположениях о возможности и естественной неизбежности прогресса: изменения неизбежны, изменения ускоряются (что в настоящее время обусловлено информационной революцией), изменения ведут к лучшему будущему.

Со временем перспектива глобального перехода к демократии стала выглядеть все более сомнительной. В России разочарование в демократии нашло символическое отражение в передаче власти в 2000 г. от Бориса Ельцина Владимиру Путину, 17 лет проработавшему в органах госбезопасности, а в 2005 г. организация *Freedom House* понизила рейтинг России с “частично свободной” до “несвободной” страны. Возрождению демократических надежд способствовали “цветные революции”, начавшиеся в Югославии (2000 г.) и распространившиеся на Грузию (2003 г.), Украину (2004 г.) и Киргизию (2005 г.). Под давлением масштабных акций протеста в этих странах власти были вынуждены провести справедливые выборы, которые привели к отстранению действовавших лидеров от власти. Опасаясь, что протестное движение охватит и Россию, Путин взялся за то, чтобы ограничить влияние политической оппозиции. В 2004 г., после террористической атаки чеченских террористов на школу в Беслане, были отменены прямые выборы губернаторов. Ближе всего к цветной революции Москва находилась в декабре 2011 г., когда десятки тысяч человек вышли на улицы в знак протеста против фальсификации выборов в Госдуму. Тем не менее, Путин победил на выборах президента в марте 2012 г. и впоследствии приструнил оппозицию, выборочно применив против нее санкции и обвинив в отсутствии патриотизма.

Помимо телеологического характера, еще одно отличие транзитологии от теорий элит заключается в том, что первая подчеркивает важность формальных правил и конституций для ограничения власти будущих правителей. В транзитологии политики рассматриваются как эгоисты, т.е. ими движет личная заинтересованность, а отнюдь не альтруистические соображения,

однако политика в целом считается игрой с положительной суммой, в которой сотрудничество выгодно всем участникам. В традиционной трактовке Томаса Гоббса теория элит, напротив, предполагает, что элиты и общество преследуют разные интересы, и первым сложно преодолеть свои внутренние противоречия и создать институты для поддержания этого консенсуса и воспроизводства элиты на протяжении длительного времени — это происходит не спонтанно, а должно быть срежиссировано дальновидными лидерами. Теории элит скептически оценивают устойчивость демократии и формальных институтов в целом, подчеркивая гибкость элит и многообразие способов, которыми они могут реализовать свои интересы через неформальные сети.

Путину, пожалуй, *не* удалось создать единую элиту, действующую на основе консенсуса и ставшую бы жизнеспособным преемником “служилых классов” советской и царской России. Он скорее возвышается над раздробленной и разобщенной элитой, контролируя ее посредством кнута и пряника, патронажа и принуждения. Элита осознала свою нелегитимность в глазах общества, что позволило Путину контролировать ее. Эта система требует постоянного “ручного управления” со стороны “босса”. В результате эта система продвигается, пошатываясь, от кризиса к кризису. Действительно, “звездными часами” Путина были именно кризисные моменты, например, урегулирование протестов рабочих в Пикалево в июне 2009 г. или присоединение Крыма в марте 2014 г. Но когда дело касается рутинной государственной политики, действия власти тормозятся борьбой внутриэлитных группировок, выдвигающих взаимно нейтрализующие предложения. К примеру, в “майских” указах 2012 г., подписанных Путиным сразу по возвращении на пост президента, он призвал к решительным действиям по совершенствованию здравоохранения, образования, инноваций и регулирования бизнеса. Однако через год лишь две трети указов были реализованы, и главный “архитектор” схемы Владислав Сурков был вынужден уйти в отставку².

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Джордж Лоуэлл Филд и Джон Хигли определяют элиты как “лиц, занимающих стратегические позиции в государственных и частных бюрократических организациях” [Field, Hingley 1980: 20]. Таким образом, прежде чем приступать к анализу составляющих элиту лиц, необходимо дать определение “стратегическим позициям” и критически важным организациям, через которые элита реализует свою власть.

Сделать это в современной России непросто, так как институциональный ландшафт кардинально изменился в 1989-1991 гг., а следующее десятилетие прошло под знаком хаоса и конфронтации. За годы правления Путина (с 2000 г. по настоящее время, включая период 2008-2012 гг., когда он занимал пост премьер-министра) контуры новой российской политической системы стали более отчетливыми. Вместе с тем в этой системе по-прежнему много взаимосвязей, остающихся непрозрачными и нуждающимися в обсуждении.

СССР представлял собой зарегулированное общество со множеством сильных политических и социальных институтов. Заняв должность генерального секретаря в 1985 г., Михаил Горбачев запустил ряд реформ “сверху”: гласность (свобода СМИ), перестройка (бюрократические реформы) и демократизация (частично свободные выборы). Эти реформы привели к подрыву центрального планирования и руководящей роли КПСС, спровоцировав экономический

² Кошечев С., Афанасьев С. Силовики “съели” троянского коня “медведевских”. 08.05.2013. — *БИЗНЕС Online*. Доступ: <http://www.business-gazeta.ru/article/79859/> (проверено 04.02.2016).

хаос и социальные волнения. Элиты некоторых из национальных республик сделали ставку на независимость, что повлекло за собой неудачную попытку государственного переворота в августе 1991 г. со стороны приверженцев жесткой линии, полных решимости сохранить Советский Союз. В декабре 1991 г. лидеры РСФСР, Украины и Белоруссии договорились о роспуске СССР.

Бурная история оставила России в наследие замысловатую институциональную мозаику, гибрид старого и нового, сочетание советских и постсоветских элементов. Ниже коротко перечислены институты, пережившие 1991 г. в той или иной форме, а также институты, прекратившие существование, и вновь образованные институты.

Институты, прекратившие существование

1) Государственная собственность на все экономические активы уступила место рыночной экономике, в которой доминировали олигархи, зачастую тесно связанные с государством. Государство сохранило контроль над оборонной, газовой, электроэнергетической и железнодорожной отраслями, а в первой половине 2000-х годов восстановило большую часть утраченных позиций в нефтяном секторе.

2) Органы центрального планирования были упразднены или, в крайнем случае, заменены слабыми регуляторами, такими как Федеральная антимонопольная служба.

3) КПСС была запрещена, при этом на виду не было партии, которая могла бы претендовать на ее место. Новая КПРФ представляла собой остаточную левую оппозицию, оказавшуюся в меньшинстве в Госдуме и имевшую всего несколько представителей среди губернаторов.

4) Коммунистическая номенклатура, советская версия “служилого класса” [см. Гаман-Голутвина 1998: гл. 5], исчезла, а вместо нее появились гораздо менее взаимосвязанные сети элит.

59

Сохранившиеся институты

1) Центральная власть по-прежнему находилась в Кремле, перейдя от Горбачева Ельцину, а затем Путину.

2) Концентрация благосостояния и власти в Москве. В 1990-е годы отмечалась некоторая децентрализация в пользу 85 российских регионов, но этот процесс приобрел обратный характер после 1998 г.

3) Ключевые министерские бюрократии, от Минфина до МИДа, остались нетронутыми, хотя и лишились своих партийных кураторов.

4) Советский этнический федерализм. Путин уменьшил автономию этнических республик, но не стал демонтировать их структуру.

5) Прокуратура и судебная система не подверглись реформам. Сохранилась советская практика “телефонного права” (судьи получают указания от своих политических хозяев), хотя теперь судьи могли получать более одного звонка по одному делу, что отражало отсутствие единой иерархии власти.

6) Политика безопасности по-прежнему базировалась на военном потенциале советских времен, в том числе ядерном сдерживании. Военные расходы России в 2015 г. составили 4.2% ВВП – вдвое выше, чем в среднем по Европе. (Однако они существенно ниже, – и в абсолютных, и в относительных величинах, – чем в США, которые несут основную финансовую нагрузку в НАТО. – *Прим. ред.*)

7) Внешняя политика оставалась ориентирована на конфронтацию с Западом.

8) Энергетическая инфраструктура, заложенная в советские времена, подверглась незначительным изменениям.

Новые институты, возникшие после 1991 г. и усилившиеся после 1999 г.

1) Администрация Президента, обладающая неограниченной властью и характеризующаяся минимальными механизмами горизонтальной или вертикальной подотчетности, взяла на себя роль бывшего ЦК КПСС. Этот институт появился при Ельцине [Huskey 1999] и стал более влиятельным при Путине.

2) Государственная Дума с крайне слабой партийной системой и анемичной “правящей партией” “Единая Россия” [Gelman 2015].

3) Частные корпорации составляли в 2000 г. 70% экономики, они работали в условиях новых рыночных институтов, таких как фондовый рынок, гражданский кодекс, земельный кодекс, страхование депозитов и т.д. [Rutland 2013].

4) Организованная преступность вышла из тени (советских тюрем) и стала примечательной особенностью российского капитализма, обеспечивая исполнение контрактов и “крышу” в отсутствие надежных полиции и судебной системы [Varese 2002].

5) Средства массовой информации в основном находились в частной собственности и формально обладали независимостью. В 1990-е годы СМИ свободно критиковали власти, но Путин восстановил государственный контроль. К концу 2000-х годов программы телевидения стали порой напоминать советские времена.

6) Распространение Интернета в 2000-х годы позволило активистам свободно общаться и критиковать государство. Тем не менее, для 70% россиян источником новостей оставалось телевидение.

СОХРАНЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

60 В постсоветской России официальные государственные институты характеризуются невысокой эффективностью. Сохраняются нормы поведения, подрывающие действия официальных органов. Россияне не доверяют политическим институтам и в отношениях с бюрократическим аппаратом полагаются на друзей и связи (*блат*), высоко ценят взаимные одолжения и лояльность “своим”. Наблюдается недостаточное уважение к закону и отчужденность от политики в сочетании, как это ни парадоксально, со стремлением подчиняться сильному лидеру – в качестве компенсации недоверия институтам. Эта модель поведения характерна как для советского общества, так и для России Ельцина 1990-х годов и Путина 2000-х годов [Ledeneva 2013].

В ельцинский период решения даже на самом высоком государственном уровне принимались узкой неформальной группой советников, в центре которой находилась дочь президента Татьяна Дьяченко. Влияние “семьи” росло по мере того, как Ельцин становился все менее работоспособным. Путин, как и Ельцин, в принятии ключевых решений также полагался на ограниченный ближний круг. Как и Ельцин, Путин (даже став официальным лидером партии “Единая Россия”) никогда не вступал в политические партии. Но в отличие от Ельцина Путин умело использовал СМИ для формирования личного почитания – здесь и верховая езда с обнаженным торсом, и байкерские пробеги, и т.п. Этот пример иллюстрирует личное управление в обход официальных государственных институтов, а также соответствует образу действий мировых лидеров-популистов, представляющих “людьми из народа”, работающих против истеблишмента и готовых нарушать правила, чтобы служить потребностям нации.

Другие социальные нормы, пережившие распад СССР, включают в себя ожидания, что государство будет заботиться о гражданах в части создания рабочих мест, предоставления жилья и обеспечения доходов. Так, на смену

советскому эгалитаризму пришло показное богатство “новых русских”. Более значимой стала роль религии в жизни общества, в школах было введено изучение основ религиоведения.

Успех режима, созданного Путиным, объясняется тем, что разрозненные элементы сплелись в нем воедино. При этом старые социальные нормы сочетаются с новыми, преодолевается разрыв между формальными и неформальными институтами. В результате, как оказалось, Россия способна вести войну, готовить Олимпиаду-2014 в Сочи и строить экспортные трубопроводы в Китай.

РАСПАД И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭЛИТ

Россия 1990-х годов демонстрировала патологии, присущие нестабильному обществу с фрагментированной элитой. Крах большинства институтов, в которые была встроена советская элита, означал разрыв идеологических связей, обеспечивавших ее целостность. Также был аннулирован давний советский “общественный договор” между государством и гражданами — лояльность населения в обмен на экономическую и политическую стабильность. В условиях двукратного падения экономики миллионы простых россиян оказались в тяжелейшем положении и неопределенности.

Распад СССР стал крахом, а не управляемым переходом. Горбачёв стремился реформировать советскую систему, не разрушая ее. И если в прибалтийских и закавказских республиках контрэлита быстро заявила о себе, поставив цель добиться национальной независимости³, то в России контрэлита, которая ждала бы своего часа, имея на руках готовую программу построения новой экономической и политической системы, отсутствовала.

Некоторые наблюдатели оспаривают эту точку зрения и утверждают, что в России после 1991 г. отмечается высокая степень преемственности элит [Kotz, Weir 1997; Reddaway, Gliniski 2001]. По их мнению, ключевые официальные лица коммунистической номенклатуры сознательно ликвидировали советское государство, чтобы перейти к капиталистической системе, которая позволила бы им преумножить свои личные состояния (и предоставила бы свободу в полной мере воспользоваться ими). В более узком смысле, по некоторым предположениям, группировки внутри КГБ и ЦК КПСС использовали советский внешнеторговый аппарат для создания оффшорных компаний при помощи средств союзного бюджета. После снятия торговых барьеров в 1992 г. эти фирмы, через которые проходил ресурсный экспорт, озолотились [Dawisha 2014]. И хотя эти оценки не лишены доли правды, участники тех событий составляют лишь небольшую часть нового капиталистического класса. В более широком смысле львиная доля коммунистической номенклатуры, вне всякого сомнения, стремилась сохранить СССР, и ряды набиравшего силу класса капиталистов пополнялись по большей части из других социальных групп.

Степень преемственности элит до и после 1991 г. оценивается по-разному, поскольку многое зависит от того, принимать ли в расчет представителей коммунистического аппарата невысокого уровня [Гаман-Голутвина 1998; Lane, Ross 1998]. Из советских чиновников первого ранга очень немногие сумели адаптироваться к новым условиям зачаточного капитализма и “обрывочной” демократии. В качестве примера можно привести двух премьер-министров ельцинской эпохи: Виктора Черномырдина, бывшего министра газовой промышленности, занимавшего пост

³ В Прибалтике по этому вопросу был достигнут консенсус, а в Закавказье (и Молдавии) новоиспеченные власти столкнулись с противодействием этнических меньшинств, несогласных с новой националистической повесткой.

председателя правительства в 1995-1998 гг., и Евгения Примакова, ведущего советского академика (премьер в 1998-1999 гг.). В последние годы стало все больше примеров, когда *дети* бывших советских лидеров замещают значимые должности в постсоветской России. Многие дети и внуки бывших генсеков уехали за границу.

Подавляющее большинство новых экономических и политических лидеров России представляли более молодое поколение по сравнению со своими предшественниками и занимали довольно незначительные позиции в советской карьерной иерархии. Некоторые из них были комсомольскими руководителями на предприятиях и в городах, например, Михаил Ходорковский (основатель нефтяной компании ЮКОС). Несомненно, в начале переходного периода связи на местах, сохранившиеся с советской эпохи, помогли им сделать первые шаги в бизнесе, однако большая часть их богатства и политического влияния стала результатом их личных предпринимательских усилий.

К началу нынешнего века хаос трансформировался в некое подобие порядка. На смену революционным 1990-м годам пришли контрреволюционные 2000-е годы, а россияне сплотились вокруг сильного лидера в лице Владимира Путина (возрождению России способствовал взлет мировой цены на нефть после 1998 г., когда она опустилась до 13 долл. за баррель, а затем начала расти и достигла рекордных 148 долл. в 2008 г.). Путин однозначно сыграл ключевую роль в восстановлении страны, хотя нет единого мнения о том, считать ли его политическим гением или же просто “фронтменом” с заурядными способностями к политике, т.е. фасадом, прикрывающим борьбу за власть между мощными группировками. Последняя точка зрения представлена в работах Лилии Шевцовой [Shevtsova 2003] и Маши Гессен [Gessen 2012].

62 На первый взгляд с позиции теорий элит объяснить появление стабильности в путинской России также непросто. Дж. Хигли определяет [Elites after State Socialism... 2000: Ch. 3.1] три формы объединения элит – идеологически объединенную, консенсусно объединенную и фрагментированную.

Объединение на основе консенсуса элит. В России не было своей Славной революции 1688 г. или Конституционного конвента 1787 г. Главными вехами стали разрывы и поражения – провал августовского путча 1991 г., роспуск СССР в декабре 1991 г., подавление парламентского восстания в октябре 1993 г., финансовый кризис в августе 1998 г. Эти события ослабили российские элиты и обусловили их разобщенность в таких вопросах, как возможность быстрого проведения рыночных реформ, надежность США как партнера и наделение Ельцина чрезвычайными исполнительными полномочиями. Объединялись элиты лишь ненадолго и из тактических соображений. Один из примеров – так наз. семибанкирщина, договоренность крупнейших бизнесменов страны о медийной поддержке Ельцина, чтобы помочь ему переизбраться на пост президента в июне 1996 г. Также консенсуса удалось достигнуть при голосовании в Госдуме по назначению экс-ветерана разведки Евгения Примакова на пост премьер-министра в сентябре 1998 г. после наступления финансового кризиса.

Наиболее близкой точкой к “коллективному развороту над Атлантикой” стало избрание Владимира Путина президентом в марте 2000 г. Назначение Борисом Ельциным Путина исполняющим обязанности президента в декабре 1999 г. застало всех врасплох. Хотя это решение не являлось продуктом договоренности элит, оно обеспечило достижение такого консенсуса в течение следующих месяцев и лет. На момент своего назначения премьер-министром в августе 1999 г. Путин представлял собой ничем не примечательную личность из ряда кремлевских чиновников, выбранную Ельциным, согласно некоторым источникам, по наводке олигарха Бориса Березовского (который был тогда

друзен с дочерью Ельцина). Путин выглядел загадочной фигурой, устраивающей все стороны политического спектра — от либералов до консерваторов, от олигархов до силовиков. Впоследствии он превратился в самостоятельный политический институт, ставший стержнем политической системы России.

Что касается **объединения на идеологической основе**, то в 1990-е годы администрация Ельцина предпринимала попытки сформировать новую элиту на идейной платформе насаждения западных ценностей и институтов в России. Это выглядело привлекательно в глазах молодежи, но не старших поколений: падение уровня жизни вызвало у них ностальгию по стабильности советской эпохи. Планы новых правителей не находили отклика и у подавляющего большинства советского чиновничества, по-прежнему находившегося при должностях: в силовых структурах, промышленности и сельском хозяйстве. Придя к власти в 2000 г., Путин подчеркивал необходимость интеграции с Западом и в то же время апеллировал к патриотическим чувствам россиян на фоне второй чеченской войны (1999–2003 гг.) и их недовольству действиями США в Косово (1999 г.) и Ираке (2003 г.). Более энергично и последовательно патриотическое мировоззрение стало культивироваться Путиным лишь в ответ на активизацию протестного движения в 2011 г. Повысив градус антизападной пропаганды, Путин обвинил Европу в продвижении “нетрадиционных” ценностей и поддержал стремление Русской Православной Церкви играть более активную роль в жизни общества (пример — приговор группе *Pussy Riot* за выступление в Храме Христа Спасителя). Он запустил также программу “национализации элит”, заставляя чиновников расставаться с зарубежными активами и банковскими счетами.

На полную мощь пропагандистская машина заработала в ходе кризиса на Украине в конце 2013 г. После присоединения Крыма в марте 2014 г.⁴ рейтинг Путина подскочил с 69% до 81% и достиг 88% в октябре 2014 г. Последовавшие западные санкции в отношении отдельных лиц и компаний привели к усилению зависимости элит от Путина. Нефтяные компании и банки потеряли возможность заимствовать за рубежом и обратились за помощью к государству. В ответ на западные санкции в августе 2014 г. Путин ввел эмбарго на весь продовольственный импорт из присоединившихся к санкциям государств. Россия под лозунгом “Крым наш!” вошла в затяжную полосу инфляции и резкого экономического спада.

Фрагментированные элиты не объединяет практически ничего — они представляют собой сообщество, разделенное как глубинными, так и тактическими разногласиями. Эта модель в наибольшей степени характеризует российские элиты после 1991 г.

Рассматривая Россию с позиций теорий элит, необходимо сосредоточить внимание жизненной траектории и особенностях ментальности Владимира Путина. Впрочем, в этом отношении теории элит не отличаются от либеральной демократии или какой-либо иной парадигмы политического анализа. Проблема в том, чтобы определить более глубокие структурные характеристики, благодаря которым Путин сумел превратиться в лидера, способного артикулировать и жестко реализовывать коллективные интересы российской элиты.

В 1990-е годы элиты, ставшие доминировать в постсоветских государствах, в большинстве своем быстро научились контролировать политическое пространство и обеспечивать такие результаты выборов, при которых поддерживалась видимость демократии с точки зрения процедур при извращении ее сути. В процессе, который Эндрю Уилсон [Wilson 2005] называет “виртуальной по-

⁴ *Левада-Центр*. Доступ: <http://www.levada.ru/old/26-03-2014/martovskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya> (проверено на 4.02.2016).

Россия сегодня литикой”, постсоветские элиты прибегают к различным “политтехнологиям”, в том числе к контролю над СМИ, сбору компромата с целью шантажирования потенциальных соперников, использованию покладистой судебной системы для сдерживания участия оппонентов в выборах [Darden 2001]. Яркими примерами в этом отношении являются Ельцин и Путин в России, Леонид Кучма на Украине и Александр Лукашенко в Беларуси. Во-вторых, даже в тех случаях, когда проводились “полусвободные” выборы (как в России до декабря 1999 г.), коррумпированным элитам удавалось использовать госслужбу для извлечения личной выгоды, тогда как качество управления снижалось.

НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ

При обсуждении российских элит в западных медиа внимание сосредоточено на трех выделяющихся группах: олигархах, силовиках и ближнем круге Путина. К ним мы добавляем четвертую, менее заметную, но не менее важную — чиновников.

Подъем олигархов

В течение 1990-х годов несколько десятков ловких и агрессивных российских предпринимателей создали успешные корпорации, которые стали заметными игроками в мировой экономике. Из страны, где капиталисты отсутствовали как класс, а предпринимательство считалось преступлением, Россия превратилась в родину десятков миллиардеров. По данным журнала “Форбс”⁵, число миллиардеров в России выросло с нуля в 2000 г. до 17 в 2003 г. и 95 в 2011 г., что вывело ее на второе место в мире после США. Максимальная цифра, 117, была зафиксирована в 2013 г., а в 2014 г. в результате санкций и падения мировых цен на нефть значение показателя снизилось до 89 (Россия откатилась на четвертое место после США, Китая и Германии).

64

Происхождение олигархов чрезвычайно разнообразно. Некоторые из них занимались научными исследованиями в сфере ВПК, другие провели некоторое время в местах лишения свободы за “спекуляции”, у одних имелся соответствующий производственный опыт, у других его не было. Среди них есть представители самых разных национальностей. Когда журнал “Форбс” впервые опубликовал свой рейтинг в 2002 г., 38% его участников сделали состояния в нефтяной и промышленной сферах, а 12% — в области финансов и технологий. К 2006 г. доля финансов и технологий (в основном представленных телекоммуникационным бизнесом) достигла 36%, а промышленности и нефти — сократилась до 17%. Следующая волна миллиардеров разбогатела на строительстве, розничной торговле и интернет-маркетинге.

В 2001 г. всего 37 человек контролировали 23 крупнейших компании, на долю которых приходилось 30% российского ВВП⁶ — поразительная концентрация собственности в столь огромной стране. Отчасти это можно рассматривать как примитивный и оперативный способ решения проблемы защиты прав собственности в отсутствие верховенства закона: в таких условиях было невозможно или неразумно пытаться привлечь сторонних инвесторов и разделить контроль с более широким кругом собственников.

Первым примером масштабного объединения усилий новых российских капиталистов стало финансирование кампании по переизбранию Ельцина на

⁵The World’s Billionaires: 2015 ranking. — *Forbes*.15.03.2015. — URL: <http://www.forbes.com/billionaires/list/> (accessed 04.02.2016).

⁶*World Bank. From Transition to Development*, April 2004. — URL: <http://www.worldbank.org.ru> (accessed 21.12.2015).

пост президента в 1996 г. Именно тогда термин “олигархи” получил широкое распространение. В 1997 г. некоторые бизнесмены превратились в чиновников — металлургический магнат Владимир Потанин стал вице-премьером, а Борис Березовский занял пост заместителя председателя Совета безопасности. За этим последовала череда изнурительных войн между различными группировками. Как отмечает Джозел Хеллман [Hellman 1998], в 1998 г. инсайдерские элиты захватили государство, на полпути затормозив процессы перехода к рыночной экономике, что позволило олигархии максимизировать извлечение ренты. В отличие от исхода конфронтации американской нации с баронами-разбойниками в конце XIX в., в России государство оказалось слишком слабым, чтобы обуздать олигархов.

В результате кризиса 1998 г. баланс сил был нарушен, что заставило олигархов обратиться за помощью к государству. Но их влияние на процесс выбора Ельциным Путина в качестве своего преемника было ограниченным, а интересы — не консолидированными. Многие олигархи поддержали партию “Отечество — Вся Россия” во главе с региональными лидерами, прежде всего мэром Москвы Юрием Лужковым и президентом Татарстана Минтимером Шаймиевым. Однако эта партия потерпела поражение на выборах в Думу в декабре 1999 г., уступив пропутинскому “Единству”. Вскоре после вступления в должность президента в мае 2000 г. Путин отобрал у олигархов принадлежавшие им телеканалы (НТВ у Владимира Гусинского и ОРТ у Березовского), послал деловым кругам сигнал, что бизнесмены сохраняют возможность обогащаться до тех пор, пока не будут вмешиваться в политику.

Михаил Ходорковский, глава нефтяной компании ЮКОС и самый богатый человек России (обладавший состоянием в размере 16 млрд долл.), отказался прекратить политические махинации (такие как подкуп депутатов Госдумы) [Sakwa 2014]. Кроме того, Ходорковский готовился продать ЮКОС нефтяному гиганту из США. На частные нефтяные активы положили глаз союзники Путина в госкомпаниях — Игорь Сечин в Роснефти и Алексей Миллер в Газпроме. Роман Абрамович согласился продать Сибнефть Газпрому за 13 млрд долл. и переехал в Лондон, Ходорковский же отказался расставаться со своими акциями. В 2003 г. он был арестован за уклонение от уплаты налогов и отправлен в тюрьму, где он провел последующие десять лет. (Путин амнистировал его в 2013 г. при условии, что тот покинет Россию.)

Силовики

Восхождение Путина на политический Олимп естественным образом заставило говорить о роли органов безопасности в постсоветской России. Складывается впечатление, что Путин в значительной степени полагается на узкий круг советников-выходцев из ФСБ, таких как Сергей Иванов (бывший вице-премьер, министр обороны, а затем глава Администрации президента) или Сергей Нарышкин (спикер Госдумы с 2011 г.).

В 2001 г. Путин приступил к масштабной реформе “вертикали власти” с целью восстановить контроль Кремля над региональными лидерами, получившими высокую степень автономии в 1990-е годы. Для осуществления надзора за 85 регионами Путин создал семь новых федеральных округов и назначил в каждый из них своего “полпреда”, подотчетного непосредственно Администрации президента. Большинство глав федеральных округов и полпредов обладали опытом работы в органах госбезопасности.

После распада СССР КГБ был разделен на несколько органов, в том числе Федеральную службу безопасности (ФСБ) и Службу внешней разведки (СВР) [Taylor 2011]. Штат ФСБ насчитывает порядка 300 тыс. сотрудников (вклю-

Россия сегодня чая 200 тыс. пограничников, переподчиненных ФСБ в 2003 г.). Параллельно с этими службами работает около дюжины других институтов безопасности, в том числе Вооруженные силы, Министерство внутренних дел (МВД) и Министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС).

В начале 2000-х годов российские журналисты стали использовать термин “силовики”, который невозможно перевести на английский язык, обозначающий представителей силовых структур [Soldatov, Borogan 2010]. Удельный вес силовиков в составе различных сегментов российских элит при Путине существенно вырос, однако оценки Ольги Крыштановской и Стивена Уайта [Kryshchanovskaya, White 2003; 2009], согласно которым доля силовиков в элите колеблется от 20 до 60% в различных ее сегментах, большинством российских и западных аналитиков считаются сильно завышенными.

В СМИ и академических кругах начал фигурировать тезис, что Россией управляет клика силовиков [Bremmer, Charap 2005]. Это согласуется со здоровым национализмом Путина и возвращением некоторых элементов советской символики (гимн, культ Великой Отечественной войны): своего рода движение “назад в СССР”, но без коммунистов, только с армией и КГБ.

Выводы Крыштановской и Уайта расходятся с результатами исследования Дэвида и Шэрон Ривера [Rivera, Rivera 2014], по оценке которых из 2 539 представителей элиты лишь 8,9% в 2002 г. имели военное образование и 10,7% обладали каким-либо опытом военной карьеры. Оксана Гаман-Голутвина была первой, кто еще в 2004 г. [Гаман-Голутвина 2004] и позже [Gaman-Golutvina 2007; Gaman-Golutvina 2008; *Media, Democracy and Freedom* 2009] на материале ряда масштабных эмпирических исследований убедительно доказала, что приток предпринимателей во всех сегментах элиты существенно превышает

66 приток силовиков. Ривера и Ривера вскоре также пришли к выводу, что путинская элита “скорее буржуазная, чем милитократическая”. Разные выводы исследований отчасти обусловлены выборкой и различиями в определениях (какой срок службы считать военной карьерой). Кроме того, Крыштановская и Уайт используют средневзвешенное значение для пяти выделяемых ими элитных групп. Невзвешенные показатели дают для 2002 г. лишь 13,9% официальных лиц, обладающих опытом военной карьеры. По оценке Юджина Хаски [Huskey 2010], автора еще одного исследования чиновников правительства и президентской администрации (в том числе заместителей министров и руководителей департаментов), число выходцев из деловых кругов преобладает над силовиками.

Данные о представительстве силовиков среди высших должностных лиц представляют интерес, но не являются определяющими. Главный вопрос не в том, составляют они 10% или 30% чиновничества на этом уровне, а в том, какое влияние они оказывают на принятие стратегических решений. Оценить это намного сложнее, и ответ может быть получен лишь путем изучения кейсов на примере конкретных политических решений. По всей видимости, силовики обладают высокой степенью автономии, когда дело касается военной политики, однако и в этой сфере оценку затрудняет повсеместная секретность. Путин увеличил военный бюджет с 10 млрд долл. в 2005 г. до 53 млрд в 2015 г., вместе с тем в 2007 г. он назначил гражданское лицо министром обороны — Анатолия Сердюкова, много лет проработавшего в сфере розничной торговли мебелью, а затем возглавлявшего налоговую службу. Сердюков протолкнул ряд болезненных реформ по реструктуризации вооруженных сил, сократив треть центрального аппарата, но был вынужден покинуть свой пост в 2012 г. в связи с коррупционным скандалом, хотя ему удалось избежать тюремного заключения.

Следует также помнить о том, что группа силовиков далеко не монолитна. Интересы и взгляды военных и, к примеру, ФСБ совершенно различны. Существует институциональная конкуренция между ФСБ и военной разведкой (ГРУ), а также между прокуратурой и созданным в 2011 г. Следственным комитетом. Порой это соперничество становится достоянием общественности, а в прессу “утекают” компрометирующие материалы. Например, в 2006 г. прокурор не побоялся арестовать некоторых бывших сотрудников ФСБ, обвиняемых в отмывании денег⁷.

Ближний круг Путина

Консолидировав власть в Кремле, Путин окружил себя командой доверенных соратников по работе в мэрии Санкт-Петербурга в начале 1990-х годов. Некоторые из них были выходцами из КГБ (см. ниже), другие, включая Германа Грефа (бывший министр экономики), Алексея Кудрина (экс-министр финансов) и Дмитрия Медведева, которого Путин выбрал своим преемником на посту президента в 2008–2012 гг. (а сам занял кресло премьер-министра), представляли либеральных юристов и экономистов. Силами этих людей в начале 2000-х годов в России была проведена вторая волна рыночных реформ (например, введена плоская шкала подоходного налога) и сохранился курс на здравую финансовую и денежно-кредитную политику. При этом данная группа часто конфликтовала с силовиками по бюджетным вопросам и не пользовалась широкой популярностью в Госдуме, обвинявшей ее в капитуляции перед неолиберализмом.

В то же время в СМИ просочилась информация о существовании более скрытой группы давних соратников Путина, которые неожиданно быстро сколотили состояния, а подконтрольные им корпорации приобретали все больше активов [см. Treisman 2005]. Здесь мы видим ядро сплоченной элиты, сформированное на основе тесной личной преданности и личного интереса, облаченных в риторику патриотизма и православия. Но группа из нескольких десятков человек не может самостоятельно управлять многоликой страной с населением 145 млн чел., охватывающей 11 часовых поясов. Им приходится вступать в альянсы с другими элитными группами.

67

Бюрократы

При Путине российская государственная бюрократия стала более многочисленной: численность госслужащих или чиновников в России в 2013 г. составила 1 455 тыс. человек, или 1,9% рабочей силы, следует из оценок РБК на основании данных Росстата. Из них в федеральных органах власти работало 248 тыс. человек, в региональных – 246 тыс., в органах местного самоуправления – 498 тыс., финансовых и налоговых органах – 217 тыс., судах – 151 тыс., прочих органах – 95 тыс. Таким образом, в России приходится 102 чиновника на 10 тыс. человек⁸. Однако анализ соотношения численности населения и численности управленческого аппарата [Гаман-Голутвина, Олейник 2008] демонстрирует, что эти показатели ниже даже чем в развитых странах (Германии, Скандинавии, США). Рост зарплат (плюс привилегии и возможность получения взяток) сделал карьеру чиновника привлекательной для молодежи. Чем престижнее вуз, который окончил соискатель, тем выше его шансы пройти отбор на государственную должность. На практике отбор кандидатов на каждом этапе, несомненно, зачастую зависит от связей или взяток.

⁷Yasmann V. Russia: Corruption scandal could shake Kremlin. – *Radio Free Europe / Radio Liberty*. 26.09.2006.

⁸Соколов А., Терентьев И. Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают. – *РБК*. 14.10.2014. Доступ: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (проверено 09.04.2016).

Исследование высших чиновников исполнительной власти, проведенное Ю. Хаски [Huskey 2010], напоминает нам, что колосс российской бюрократии здравствует и поныне. Воспроизводятся модели поведения, напоминающие о советских и даже царских временах — бесконечные бюрократические согласования, разрастание аппарата, дублирование полномочий, неоднократная возможность наложить вето, неспособность действовать независимо от инструкций из центра и т.д. Например, в 2004 г. Путин предпринял попытку уменьшить правительство, сократив число вице-премьеров до 3, а замминистров (в среднем) до 2-4. Но к 2010 г. число зампредов правительства достигло 9, а замминистров — от 7 до 9. Ротация кадров между различными ведомствами — важный способ борьбы с ведомственными интересами — в 1990-х годах практически прекратилась, но возродилась с 2004 г.

Схожее исследование провел А. Огуши [Ogushi 2015], составивший базу данных из 618 заместителей министров в 1999-2013 гг. и обнаруживший, что на эти должности назначаются как инсайдеры, так и люди со стороны. Министерства иностранных дел, безопасности и путей сообщения характеризовались относительной закрытостью, энергетики и экономики — были открытыми, а другие, такие как Минфин — смешанными. Лишь 13% назначенцев получили повышение переводом из других министерств (35% из них составляли силовики). Хаски также обнаружил, что на высшие должности чаще, чем в советские времена, назначаются лица, ранее не работавшие в том же министерстве. Безусловно, отмечается ряд важных отличий от советского периода: советские руководители пытались мобилизовать общество, в то время как постсоветские стремятся сделать его более инертным. В современном российском государстве не только отсутствует мобилизационная идеология, но и актуальна необходимость управления полусвободными выборами, что плохо сочетается с мобилизацией, чреватой потерей контроля [Huskey 2010].

НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ И НОВЫЕ РОССИЙСКИЕ ЭЛИТЫ

Коррупция играет одну из ключевых ролей в сплочении новой российской элиты. С ее помощью чиновники на нижних уровнях связаны со своим начальством, и через этот канал конкурирующие элитные группы ведут дела друг с другом. Стало общепринятым концептуально определять российскую и другие постсоветские системы как примеры “неопатримониального” режима [Фисун 2012], или “патронажа” [Hale 2014]. Патроны проводят своих клиентов на государственные должности или добиваются заключения государственных контрактов со своими компаниями в обмен на политическую лояльность клиентов и делятся с ними доходами. В отличие от традиционных патримониальных систем, эти сети относительно открыты и имеют под собой транзакционную, а не родовую или клановую, основу.

В транзитологии, как и в большей части западной социальной науки, проблемы коррупции в значительной степени игнорируются. Лишь в конце 1990-х годов, после того как Джеймс Вулфенсон возглавил Всемирный банк, международное сообщество стало рассматривать коррупцию как основное препятствие на пути экономического роста в развивающихся странах. Коррупция “работает” в краткосрочной перспективе — она может помочь предпринимателям в преодолении бюрократических барьеров и способствовать формированию жизнеспособных политических коалиций. Однако в долгосрочной перспективе она тормозит экономический рост и снижает доверие к власти, необходимое условие для процветания демократии.

Несмотря на то что Путин часто публично осуждает коррупцию, он не предпринимает систематических усилий по борьбе с ней, во всяком случае

в масштабах, которые отмечаются в Китае. За годы его правления лишь немногие из высокопоставленных чиновников были отправлены в тюрьму. Скорее Путин выступает в качестве посредника при разрешении споров между соперничающими группировками. В 2000-е годы зафиксировано снижение числа заказных убийств, похищений и вымогательства, но взяточничество, коррупция и рейдерство по-прежнему распространены.

Между тем рост государственного контроля в корпоративном секторе в период второго президентства Путина увеличил масштабы для злоупотреблений за закрытыми дверями. Дети высших государственных чиновников все чаще занимали руководящие позиции в бизнесе, который пользовался их политическими связями. Коррупция оказалась многогранным явлением, которое в состоянии адаптироваться к изменяющимся условиям быстрее, чем антикоррупционные силы.

ВЫВОДЫ

В 2000-е годы новый капиталистический класс России нащупал неуклюжий *модус вивенди* с переживавшим свой ренессанс государственным аппаратом, имевшим глубокие исторические корни и растущую уверенность в своих силах. Чиновники нуждались в олигархах для личного обогащения, а олигархам близость к власти была необходима, чтобы обеспечить политическую стабильность и защиту.

Несмотря на то что олигархи уважают предложенные Путиным правила игры, ситуация остается крайне нестабильной: различные соперничающие группировки жестко конкурируют между собой за ключевые активы, получение кредитов и субсидируемых госконтрактов. “Рейдерство” — использование судебной системы для перехвата контроля над конкурирующими компаниями — повсеместно. Между тем общество в целом, в том числе малый бизнес, исключено из процесса принятия решений.

Угрозы для стабильности режима Путина очевидны. Во-первых, различные элитные группы удерживаются вместе при помощи их коллективной зависимости от распределения сырьевой ренты, что выглядит опасным в эпоху снижения мировых цен на сырье. А централизованная система Путина, по всей видимости, не сочетается с конкурентной бизнес-средой, в которой нуждается Россия для модернизации и диверсификации экономики. Во-вторых, как с целью укрепления легитимности, так и для отвлечения внимания от проблем демократической подотчетности внутри страны, Путин опрометчиво предпринял резкие шаги на Украине и в Сирии. За это приходится платить — западные санкции, увеличение военных расходов, субсидии на Крым — все это продолжит оказывать дополнительное давление на экономические основы созданного им режима.

Перевод с английского С.В. Чугрова

Гаман-Голутвина О.В. 1998. *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. М.: Интеллект. 416 с.

Гаман-Голутвина О.В. 2004. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции. — *Полис. Политические исследования*: № 2. С. 6–19; № 3. С. 22–32.

Гаман-Голутвина О.В., Олейник А.Н. 2008. *Административные реформы в контексте властных отношений: опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе*. М.: РОССПЭН. 333 с.

Гудков Л. *Абортивная модернизация*. М.: РОССПЭН. 2011. 432 с.

Ильин В.В., Ахиезер А.С. 1997. *Российская государственность: истоки, традиции, перспективы*. М.: МГИМО (У). 384 с.

Крыштановская О. 2005. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров. 384 с.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 2001. “Русская Система” как попытка понимания русской истории. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 37-48.

Фисун А.А. 2012. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Демократизация*. Т. 20. № 2. С. 87-96.

Bremmer I., Charap S. 2006. The *Siloviki* in Putin’s Russia: Who They Are and What They Want. — *The Washington Quarterly*. Vol. 30. No. 1. P. 83-92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1162/wash.2006-07.30.1.83>

Darden K. 2001. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma. — *East European Constitutional Review*. Vol. 10. No. 2-3. P. 67-71.

Dawisha K. 2014. *Putin’s Kleptocracy: Who Owns Russia?* N.Y.: Simon and Shuster. 464 p.

Field G.L., Higley J. 1980. *Elitism*. L.: Routledge. 150 p.

Fish M.S. 2005. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. N.Y.: Cambridge University Press. 336 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511791062>

Fortescue S. 2007. *Russia’s Oil Barons and Metal Magnates: Oligarchs and the State in Transition*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. xv+233 p.

Gaman-Golutvina O. 2007. Yel’tsin, Putin and the Elites. — *Genov N., Kreckel R. Soziologische Zeitgeschichte*. Berlin: Sigma. P. 297-316.

Gaman-Golutvina O. 2008. Changes in Elite Patterns. — *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. No. 6. P. 1033-1050. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09668130802180967>

Gans-Morse J. 2004. Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 20. No. 4. P. 320-349. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1060-586X.20.4.320>

Gelman V. 2015. *Authoritarian Russia. Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. 224 p.

Gessen M. 2012. *The Man without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin*. New York: Riverhead Books. 390 p.

Hale H. 2014. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 558 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9781139683524>

Hellie R. 2005. The Structure of Russian Imperial History. — *History and Theory*. Vol. 44. No. 4. P. 88-112. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1468-2303.2005.00344.x>

Hellman J.S. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform. — *World Politics*. Vol. 50. No. 2. P. 203-234. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0043887100008091>

Elites after State Socialism. Theories and Analysis (ed. by J. Higley and G. Lengyel). 2000. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 264 p.

Huskey E. 1999. *Presidential Power in Russia. The New Russian Political System*. Armonk, NY: M.E. Sharpe. xi+297 p.

Huskey E. 2010. Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. — *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 43. No. 4. P. 363-372. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>

Keenan E. 1986. Muscovite political folkways. — *Russian Review*. Vol. 45. No. 2. P. 115-181. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/130423>

Kotkin S. 2008. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970-2000*. N.Y.: Oxford University Press. 304 p.

Kotz D., Weir F. 1997. *Revolution from above: The Demise of the Soviet System*. L.: Routledge. 302 p.

Kryshтанovskaya O., White S. 2003. Putin’s Militocracy. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. No. 4. P. 289-306. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1060-586X.19.4.289>

Kryshтанovskaya O., Stephen W. 2009. The Sovietization of Russian Politics. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25. No. 4. P. 283-309. DOI: <http://dx.doi.org/10.2747/1060-586X.24.4.283>

Lane D., Ross C. 1998. *The Transition from Communism to Capitalism: Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin*. London: Palgrave Macmillan. 273 p.

Ledeneva A.V. 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press. 327 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511978494>

Media, Democracy and Freedom (ed. by Dyczok M., Gaman-Golutvina O.). 2009. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, N.Y., Oxford, Wien: Peter Lang. 246 p.

Ogushi A. 2015. *Bureaucratic Elites in Russia Revisited: Modernity and Patrimonialism*. International Congress of Central-East European and Eurasian Studies, Makuhari (Japan), 3-8 August (preprint).

- Olson M. 2000. *Power and Prosperity*. N.Y.: Basic Books. P. 3–24.
- Reddaway P., Gliniski D. 2001. *Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, D.C.: US Institute of Peace. xvi+745 p.
- Rivera D.W., Rivera Sh.W. 2014. Is Russia a Militocracy? Conceptual Issues and Extant Findings Regarding Elite Militarization. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 1. P. 27–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/1060586X.2013.819681>
- Rutland P. 2013. Neoliberalism in Russia. — *Review of International Political Economy*. Vol. 20. No. 2. P. 332–362. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09692290.2012.727844>
- Sakwa R. 2007. *Putin: Russia's Choice*. L.: Routledge. 388 p.
- Sakwa R. 2014. *Putin and the Oligarchs: The Khodorkovsky-Yukos Affair*. L.: IB Tauris. 288 p.
- Shevtsova L. 2003. *Putin's Russia*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace. 306 p.
- Soldatov A., Borogan I. 2010. *The New Nobility: The Restoration of Russia's Security State and the Enduring Legacy of the KGB*. N.Y.: Public Affairs. 301 p.
- Taylor B.D. 2011. *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.
- Treisman D. 2007. Putin's *Silovarchs*. — *Orbis*. Vol. 51. No. 1. P. 141–153.
- Varese F. 2002. *The Russian Mafia*. N.Y.: Oxford University Press. 303 p.
- Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT: Yale University Press. 332 p.

DOI: [10.17976/jpps/2016.03.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.03.06)

RUSSIA'S POST-SOVIET ELITE

P. Rutland¹

¹Wesleyan University, Middletown, CT, USA

RUTLAND Peter, Professor of Government, Wesleyan University, Middletown, CT. Email: prutland@wesleyan.edu

Received: 17.12.2015. Accepted: 22.01.2016

The article is a translation and a journal version of chapter “Russia's Post-Soviet Elite”, which will be published in: The Palgrave Handbook of Political Elites, edited by John Higley. London: Palgrave Macmillan, forthcoming 2016. This publication has been kindly authorized by the editor of the monograph.

Abstract. This article examines post-Soviet Russia through the prism of elite theory – in contrast to the majority of Western scholars who analyze Russia through the lens of democratic theory. Vladimir Putin is a strong leader who has restored the authority of the Russian state, but the elites through which he rules Russia are deeply divided. The elite consists of Putin's inner circle, the security bloc, the oligarchs, and the state bureaucrats. There are few institutional mechanisms for resolving elite differences, and the ideologies which they deploy (modernization, nationalism) are contradictory and shallow. This paper analyzes the capacity of this system to respond to the challenges facing Russia, and its prospects for long-term stability.

Keywords: Russia; post-Soviet elite; Putin; reforms; political insitutes; social norms.

References

- Akhiyezer A.S., Il'in V.V. *Rossiyskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy* [Russian statehood: the origins, traditions, perspectives]. Moscow: MGIMO—University. 1997. 384 p. (In Russ.)
- Bremmer I., Charap S. The *Siloviki* in Putin's Russia: Who They Are and What They Want. — *The Washington Quarterly*. 2006. Vol. 30. No.1. P. 83–92.
- Darden K. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma. — *East European Constitutional Review*. 2001. Vol. 10. Nos. 2–3. P. 67–71.
- Dawisha K. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* N.Y.: Simon and Shuster. 2014. 464 p.
- Elites after State Socialism. Theories and Analysis* (ed. by J. Higley and G. Lengyel). Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2000. 264 p.
- Fisun A.A. By Rethinking of Post-Soviet Politics: Neopatrimonial Interpretation. — *Democratization*, 2012. Vol. 20. No. 2. P. 87–96. (In Russ.)
- Field G.L., Higley J. *Elitism*. L.: Routledge. 1980. 150 p.
- Fish M. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. 336 p.
- Fortescue S. *Russia's Oil Barons and Metal Magnates: Oligarchs and the State in Transition*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2007. xv+233 p.

- Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie elity Rossii: vekhi istoricheskoi evolyutsii* [The Political Elite of Russia: Milestones of Historical Evolution]. Moscow: Intellekt. 1998. 416 p. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. Russia' Regional Elites: Whom They Consist of, and What Are the Tendencies of Their Evolution. — *Polis. Political Studies*. 2004. No. 2. P. 6–19; No. 3. P. 22–32. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O. Yel'tsin, Putin and the Elites. — *Genov N., Kreckel R. Soziologische Zeitgeschichte*. Berlin: Sigma. 2007. P. 297–316.
- Gaman-Golutvina O. Changes in Elite Patterns. — *Europe-Asia Studies*, 2008. Vol. 60. No. 6. P. 1033–1050.
- Gaman-Golutvina O.V. Oleinik A.N. *Administrativnye reformy v kontekste vlastnykh otnoshenii: opyt postsotsialisticheskikh transformatsii v sravnitel'noi perspektive* [Administrative Reforms in the Context of Power Relations: Comparative Studies of Post-Soviet Transformations]. Moscow: POSSPEN. 2008. 333 p. (In Russ.).
- Gans-Morse J. Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm. — *Post-Soviet Affairs*. 2004. Vol. 20. No. 4. P. 320–349.
- Gelman V. *Authoritarian Russia. Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. 224 p.
- Gudkov L. *Abortivnaya modernizatsiya* [Abortive modernization]. Moscow: ROSSPEN. 2011. 432 p. (In Russ.).
- Gessen M. *The Man without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin*. N.Y.: Riverhead Books, 2012. 390 p.
- Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 558 p.
- Hellie R. The Structure of Russian Imperial History. — *History and Theory*. 2005. Vol. 44. No.4. P. 88–112.
- Hellman J.S. Winners Take All: The Politics of Partial Reform. — *World Politics*. 1998. Vol. 50 No. 2. P. 203–234.
- Huskey E. *Presidential Power in Russia. The New Russian Political System*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1999. xi+297 p.
- Huskey E. Elite Recruitment and State-Society Relations in Technocratic Authoritarian Regimes: The Russian Case. — *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43. No.4. P. 363–372.
- Keenan E. Muscovite political folkways. — *Russian Review*. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 115–81.
- Kotkin S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 304 p.
- Kotz D., Weir F. *Revolution from above: The Demise of the Soviet System*. L.: Routledge, 1997. 302 p.
- Kryshtanovskaya O. *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2005. 384 p. (In Russ.).
- Kryshtanovskaya O., White S. Putin's Militocracy. — *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol.19. No. 4. P. 289–306.
- Kryshtanovskaya O., White S. The Sovietization of Russian Politics. — *Post-Soviet Affairs*. 2009. Vol. 25. No. 4. P. 283–309.
- Lane D., Ross C. *The Transition from Communism to Capitalism: Ruling Elites from Gorbachev to Yeltsin*. London: Palgrave Macmillan, 1998. 273 p.
- Ledeneva A.V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 327 p.
- Media, Democracy and Freedom* (ed. by Dyczok M., Gaman-Golutvina O.). Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. 2009. 246 p.
- Ogushi A. *Bureaucratic Elites in Russia Revisited: Modernity and Patrimonialism*. International Congress of Central-East European and Eurasian Studies, Makuhari (Japan), 3–8 August 2015 (preprint).
- Olson M. *Power and Prosperity*. N.Y.: Basic Books, 2000. P. 3–24.
- Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. “Russiya Sistema” kak popytka ponimaniya istorii [“Russian System” as an Attempt of Understanding of Russian History]. — *Polis. Political Studies*, 2001. No. 4. P. 37–48. (In Russ.).
- Reddaway P., Glinski D. *Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington, D.C.: US Institute of Peace, 2001. xvi+745 p.
- Rivera D.W., Rivera Sh.W. 2014. Is Russia a Militocracy? Conceptual Issues and Extant Findings Regarding Elite Militarization. — *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30. No.1. P. 27–50.
- Rutland P. Neoliberalism in Russia. — *Review of International Political Economy*. 2013. Vol. 20. No. 2. P. 332–362.
- Sakwa R. *Putin: Russia's Choice*. L.: Routledge, 2007. 388 p.
- Sakwa R. *Putin and the Oligarchs: The Khodorkovsky-Yukos Affair*. L.: IB Tauris, 2014. 288 p.
- Shevtsova L. Putin's Russia. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2003. 306 p.
- Soldatov A., Borogan I. *The New Nobility: The Restoration of Russia's Security State and the Enduring Legacy of the KGB*. N.Y.: Public Affairs, 2010. 301 p.
- Taylor B.D. *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 392 p.
- Treisman D. Putin's Silovarchs. — *Orbis*, 2007. Vol. 51. No.1.P. 141–153.
- Varese F. *The Russian Mafia*. N.Y.: Oxford University Press, 2002. 303 p.
- Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 2005. 332 p.
- Varese F. *The Russian Mafia*. N.Y.: Oxford University Press. 2002. 303 p.
- Wilson A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT: Yale Univ. Press. 2005. 332 p.